

Мышцын В. Н. Нужен ли нам греческий перевод Библии при существовании еврейского подлинника? // Богословский вестник 1895. Т. 1. № 3. С. 345–373 (3-я пагин.).

Нуженъ-ли намъ Греческій переводъ Библіи при существованіи Еврейскаго подлинника?

Укажемъ и рассмотримъ теперь тѣ мѣста, въ которыхъ мазоретскій текстъ, какъ поврежденный, долженъ быть исправленъ по переводу LXX, какъ сохранившему первоначальное чтеніе. Мѣста эти трехъ родовъ. Одни изъ нихъ содержатъ въ мазоретскомъ текстѣ неправильное чтеніе вслѣдствіе измѣненія согласныхъ или гласныхъ буквъ, другія—опущеніе буквъ, словъ и цѣлыхъ выраженій, (сюда же мы отнесемъ и тѣ случаи, въ которыхъ одновременно замѣчается и опущеніе и неправильное чтеніе); третьи наконецъ характеризуются вставками въ текстъ мазоретскомъ. Приэтомъ мы теперь же должны добавить, что всѣ эти поврежденія въ еврейскомъ текстѣ по происхожденію своему суть поврежденія ненамѣренныя, происшедшія благодаря невнимательности писцовъ вопреки ихъ желанію.

Неправильное чтеніе мазоретскаго текста происходитъ, какъ уже выше было замѣчено, вслѣдствіе смѣшенія сходныхъ согласныхъ буквъ или неправильной вокализаціи словъ, которая, какъ извѣстно, до 6 в. по Р. Хр. не была еще достояніемъ письмени, но сохранялась въ преданіи.

Примѣры неправильнаго чтенія у мазоретовъ слѣдующіе.

1 Цар. VI, 18 по мазоретскому тексту читается такъ: „а золотыя мыши (были) по числу всѣхъ городовъ Филистимскихъ пяти владѣтелей, отъ городовъ укрѣпленныхъ и до открытыхъ сель, и до Авела великаго, на которомъ поставили ковчегъ Господа, до дня сего на полѣ Исуса Веесамитянина.“ Собственнаго имени Авель (а тѣмъ боже „великій“) нигдѣ не встрѣчается въ св. писаніи. А слѣду-

юція засимъ слова: „на которомъ поставили ковчегъ Господа“, несомнѣнно имѣють связь съ ст. 14 и 15 „и былъ тутъ большой камень... Левиты сняли ковчегъ Господа... и поставили на большомъ томъ камнѣ“. Ясно, что вмѣсто мазоретскаго *Авел* (אָוֶל) слѣдуетъ одинаково съ переводомъ LXX (λίθον) и таргумомъ Ионаана читать *эвен* (אֶבֶן) т. е. камень ¹⁾. Однако и при этой поправкѣ во второй половинѣ стиха смысла нѣтъ никакого. Смыслъ возстановится лишь въ томъ случаѣ, если мы съ большинствомъ западныхъ критиковъ выраженіе $\text{וְיָ$ прочтемъ не וְיָ (и до), какъ читають мазореты, а וְיָ (и свидѣтель). Въ такомъ случаѣ вторая половина стиха будетъ имѣть такой видъ: „и свидѣтель есть камень великій, на которомъ поставили ковчегъ Господа, до дня сего на полѣ Иисуса Веесамитянина“.

1 Цар. XX, 14—15 въ подстрочномъ переводѣ значать: „и не (אִם־אֶחְיֶה) если еще я живъ, и не (אִם־אָמָוּתִי) оказывай мнѣ милости Господней, и не (אִם־אָמָוּתִי) умру я и не (אִם־אָמָוּתִי) отнимай милости твоей отъ дома моего до вѣка“. Въ буквальномъ своемъ переводѣ приведенныя слова Ионаана, сына Саулова, заключавшаго съ Давидомъ завѣтъ любви, совершенно непонятны. Ближайшій смыслъ ихъ долженъ быть по видимому таковъ: „и не оказывай мнѣ милости Господней, если я еще живъ; и не отнимай милости твоей, если я умру“. Но какъ могъ обратиться съ такой просьбой къ Давиду Ионаанъ въ награду за всѣ сдѣланныя имъ врагу своего отца услуги? Не говоримъ уже о томъ, что текстъ самъ по себѣ не даетъ и этого смысла. Лютеръ переводить разсматриваемое мѣсто такимъ образомъ: „но не (сдѣлай я этого), не дѣлай и ты мнѣ никакой милости, живъ ли я, и не (дѣлай если я) умеръ, и не отнимай твоей милости отъ дома моего вѣчно“. Въ этомъ переводѣ заключается противорѣчіе: Ионаанъ просить Давида въ одно и тоже время не оказывать милости ему послѣ его смерти (значить его дому) и не отнимать ея отъ его дома. De-Wette переводить: „но (пусть) не (будетъ Господь съ тобою), если я еще живъ, а ты не оказываешь мнѣ милости Господней, (потому что) я не умеръ, и ты не отнимаешь милости твоей

¹⁾ Такъ читають двѣ евр. рукописи у Кенникота и одна у де-Росси.

отъ дома моего во вѣки“. Этотъ переводъ по своему естественному смыслу и по своей нескладности хуже перевода Лютера. А вотъ переводъ LXX: „и если я еще живъ, и да окажешь милость ко мнѣ и, если я смертію умру, да не отнимешь милости твоей отъ дома моего до вѣка“ (*καὶ ἐὰν μὲν ἔτι μοι ζῶντος καὶ ποιήσεις ἔλεος μετ' ἐμοῦ; καὶ ἐὰν θάνατον ἀποθάνω, οὐκ ἐξαρείς ἔλεός σου ἀπὸ τοῦ οἴκου μου ἕως τοῦ αἰῶνος*). Что этотъ переводъ, дающій вполнѣ естественный и ясный смыслъ, не есть вольный перифразъ, за это говорить то обстоятельство, что въ немъ всѣ слова расположены совершенно въ томъ же самомъ порядкѣ, въ какомъ они стоятъ въ текстѣ мазоретскомъ, и что не совсѣмъ удобное греческое выраженіе *ἐὰν ἔτι μοι ζῶντος* (собств. если еще мнѣ живущему), — заключающее въ себѣ въ одно и тоже время союзъ условный и род. самост. сокращеннаго придаточнаго предложенія, — есть самый буквальный переводъ соотвѣтствующаго еврейскаго выраженія (им 'оденни хай: 'им = *ἐὰν* = если; 'оденни = *ἔτι μοι* = еще меня и хай = *ζῶν* = живущій). Какая же причина того, что мазоретскій текстъ не даетъ никакого смысла, тогда какъ переводъ LXX даетъ смыслъ ясный и вполнѣ естественный? Вся причина заключается въ томъ, что въ первыхъ двухъ случаяхъ LXX читаютъ не: *и не* (**л*1), но: „и о еслибы“ или: *и да* (**л*1 одинаково съ сир. и араб. *et utinam*), вмѣсто же третьяго *и не* читаютъ *и если* (**к*1). Это чтеніе LXX, какъ единственно осмысленное, слѣдуетъ признать первоначальнымъ¹⁾.

Чтеніе же мазоретское легко могло произойти изъ этого первоначальнаго чрезъ неправильную вокализацию союза (**л*1) въ двухъ случаяхъ и чрезъ замѣну союза **к*1 (и если) три раза встрѣчающимся въ разбираемомъ мѣстѣ выраженіемъ **л*1, хотя и съ разными гласными и въ разныхъ значеніяхъ.

1 Цар. XIV, 18: „и сказалъ Саулъ Ахін: принеси *кивотъ Божій*, ибо *кивотъ Божій* въ то время былъ съ сынами Израильскими“. Таковъ мазоретскій текстъ, и всѣ древніе переводы, за исключеніемъ одного греческаго, им.: халдейскій, сирійскій, Вульгата и арабскій, согласны съ

¹⁾ Поэтому совершенно основательно поступилъ русскій переводчикъ, переведши это мѣсто по тексту греческому.

нимъ (арсам Dei). Однако чтеніе это возбуждаетъ много недоумѣній. Во 1-хъ ковчегъ завѣта по возвращеніи его изъ земли филистимской былъ въ Кириаѳаримѣ, въ домѣ Аминадава (1 Цар. VII, 1—2), и оставался тамъ до тѣхъ поръ, пока не взялъ его оттуда Давидъ по своемъ окончательномъ воцареніи (2 Цар. VI, 3 и д). Во 2-хъ, какъ видно изъ связи рѣчи, Сауль отдавая свое приказаніе Ахіи, намѣревался спросить Господа по поводу предстоявшей битвы съ филистимлянами. Но нигдѣ изъ св. писанія не видно, чтобы ковчегъ завѣта могъ употребляться когда либо для этой цѣли. Напротивъ, изъ многихъ мѣстъ ясно, что обычнымъ средствомъ вопрошенія Бога служила извѣстная первосвященническая одежда— ефодъ, съ находящимися на немъ Уримомъ и Туммимомъ, чрезъ которые Богъ давалъ Свой отвѣты. Въ той же книгѣ мы читаемъ: въ XXIII, 9: „сказалъ (Давидъ) священнику Авіаѳару: принеси ефодъ“, въ XXX, 7: „и сказалъ Давидъ Авіаѳару священнику сыну Ахимилехову: принеси мнѣ ефодъ; и принеси Авіаѳаръ ефодъ къ Давиду“. Въ 3-хъ ковчегъ завѣта не былъ предметомъ, который позволялось по произволу переносить съ одного мѣста на другое. Поэтому выраженіе „принеси“, приложимое къ ефоду, не удобно въ рѣчи о ковчегѣ. Въ 4-хъ, когда все болѣе и болѣе увеличивающееся волненіе филистимлянъ помѣшало Саулу спросить Господа, Сауль сказалъ священнику: „сложи руки твои“ (19 ст.). И это выраженіе, вполне понятное въ примѣненіи къ ефоду, который вѣроятно развертывался, когда вопрошали Бога, совсѣмъ непонятно и странно, еслибы рѣчь шла о вопрошеніи Бога посредствомъ ковчега. Въ виду всѣхъ этихъ оснований слѣдуетъ признать чтеніе перевода LXX, въ которомъ вмѣсто „ковчега Божій“ стоитъ слово *efod* (τὸ Ἐφὸδ) за чтеніе правильное и первоначальное. Первоначальное $\gamma\acute{\iota}\nu\epsilon\kappa$ (ефодъ) благодаря ошибкѣ переписчика, принявшаго пэ за рэш и далѣтъ за нунъ, особенно сходныхъ въ древнемъ письмѣ (въ пальмирскихъ надписяхъ), было замѣнено $\gamma\acute{\iota}\nu\epsilon\kappa$ (ковчегъ). Впослѣдствіи же какой нибудь писецъ или справщикъ прибавилъ обычное при этомъ словѣ приложение „Божій“.

Въ той же книгѣ и главѣ начало 32 ст. по мазоретскому тексту читается такъ: „и *сдѣлалъ* (שׁוּׁלַל) народъ къ (לְ)“

добычѣ и брали овецъ, воловъ“... Фраза, какъ видно, неграмматична и не имѣетъ смысла. Переводъ LXX даетъ первоначальное чтеніе этого мѣста; когда переводитъ „и *кинулся* (*καὶ ἐκλίθη*) народъ къ добычѣ“ и д. Очевидно греческій переводчикъ читалъ *שׁוּרִי* (отъ *שׁוּר* бросаться), каковое слово было искажено позднѣйшимъ переписчикомъ, написавшимъ вмѣсто тэтъ букву шинъ. Одинаково съ переводомъ LXX читаютъ Іеронимъ, Симмахъ, халдейскій пер., многіе евр. кодексы и *kege*.

1 Цар. XIX, 20: „и послалъ Саулъ слугъ взять Давида и *увидѣли* они *сонмъ* пророковъ... и они стали пророчествовать“, въ мазоретскомъ текстѣ заключаетъ двѣ описки. Во 1-хъ здѣсь сказуемое „увидѣли“ при подлежащемъ „слуги“ стоитъ не во мнж. числѣ, а въ единств. Объясненіе Кеиля, будто послы мыслятся здѣсь какъ цѣлое, опровергается уже чрезъ то, что слѣдующій глаголъ состоитъ во мнж. ч. Во 2-хъ встрѣчающееся здѣсь слово *кагалат* нигдѣ въ Св. Писаніи не употребляется. Всѣ древніе переводы и между прочимъ всѣ греческіе (LXX, Акила, Симмахъ и Θεοδοτιώνъ), переводя это слово словомъ *ἐκκλησίαν*, читали въ оригиналѣ очевидно слово *кагалат* или *кегиллат* (т. е. собраніе, сонмъ). Съ этимъ чтеніемъ соглашаются Кимхи и др. раввины. Теперешнее мазоретское чтеніе произошло отъ довольно обычной у древнихъ писцовъ перестановки буквъ.

2 Цар. III, 18—въ буквальному переводѣ съ еврейскаго имѣетъ такой видъ: „ибо Господь сказалъ Давиду: рукою Давида, раба моего, *онъ спасъ* (*וְשִׁיבִי*) ¹⁾ народъ мой, Израиль, отъ руки Филистимлянъ и отъ руки всѣхъ враговъ его“. Въ этомъ чтеніи совершенно неумѣстно 3-е лицо, которое не можетъ здѣсь относиться ни къ Богу, ни къ Давиду, а также и время, ибо по связи рѣчи здѣсь говорится о будущихъ побѣдахъ Давида, такъ какъ въ данное время онъ не вступилъ еще и на царство. Поэтому со всѣми древними переводами (*σώσω*, *salvabo* подобно и пер. сир., халд. и араб.) и многими еврейскими рукописями (у де-Росси) слѣдуетъ читать *וְשִׁיבִי* (спасу) ²⁾. Мазоретское чтеніе произошло отъ замѣны алэфъ буквой гѣ. Быть можетъ писецъ

¹⁾ 3-е л. ед. ч. Гиф. Прощ. сов. отъ *וְשִׁיבִי*

²⁾ 1-е л. ед. ч. Гиф. Прощ. нес. для выраженія буд. вр.

не разсмотрѣлъ stat. construct. въ сл. וְיָדוֹ (рукою кого?) и счелъ וְיָדוֹ (Давида) за подлежащее (Гитцигъ). Подобныя же поврежденія, заключающіяся въ неправильномъ чтеніи, находятся въ 1 Цар. XXV, 9—10; XII, 31; 2 Цар. XIV, 4; XVIII, 3; 3 Цар. II, 28 и др.

Гораздо важнѣе и интереснѣе другой родъ поврежденій мазоретскаго текста, именно опущенія словъ и цѣлыхъ фразъ, соединяющіяся часто съ неправильнымъ чтеніемъ оставшихся словъ, какъ съ своимъ естественнымъ слѣдствіемъ. Опущенія эти представляютъ собою самое обычное явленіе во всевозможныхъ рукописяхъ. Они особенно естественны тогда, когда встрѣчается повтореніе словъ и выраженій. Переписчикъ, написавъ извѣстное слово и отыскивая въ оригиналѣ то мѣсто, которое онъ уже списалъ, легко можетъ остановиться взглядомъ не на первомъ, списанномъ уже словѣ, а на второмъ, и продолжать писать то, что слѣдуетъ за вторымъ словомъ, опустивъ то, что стоитъ между первымъ и вторымъ употребленіемъ одного и того же слова. А такъ какъ переписчикъ ограничивается иногда просмотромъ лишь послѣднихъ буквъ слова, что особенно часто бываетъ при слитномъ, не имѣющемъ словораздѣленія письмѣ, каково именно и было письмо у древнихъ, то легко могло случиться, что переписчикъ, случайно найдя въ оригиналѣ слово одинаковаго окончанія съ написаннымъ уже имъ словомъ и отождествивъ ихъ, продолжалъ писать далѣе, опустивъ все то, что стоитъ между словами одинаковыхъ окончаній. Можетъ быть наконецъ и такой случай. Писецъ, закончивъ извѣстную фразу или цѣлый періодъ и переходя къ дальнѣйшему, встрѣчаетъ отдѣленіе, начинающееся съ тѣхъ же самыхъ словъ, съ какихъ начинается уже списанная имъ фраза. Думая, что это отдѣленіе уже переписано имъ, онъ ищетъ знака препинанія, заканчивающаго этотъ отдѣлъ (главнѣйшій знакъ препинанія—точка—былъ и въ древнееврейскомъ письмѣ), и найдя его, продолжаетъ писать слѣдующее за нимъ, не подозревая того, что онъ опустилъ цѣлое отдѣленіе. Укажемъ теперь примѣры опущеній. Въ 1 Цар. XIV, 37—42 Саулъ, не получивши отвѣта отъ Бога на свое вопрошеніе и желая узнать причину этого, становится съ сыномъ своимъ Ионаеаномъ по одну сторону, а израильтянъ ставитъ по дру-

гую. „И сказалъ Саулъ Господу Богу Израилеву: *дай совершенство* (тамим). И взяты были Ионаанъ и Саулъ, а народъ вышелъ“. Таковъ 41-й стихъ по тексту мазоретскому. Неполнота и неясность этого мѣста бросается въ глаза сразу. Непонятны выраженія, въ отдѣльности взятая, непонятно и самое дѣйствіе, ими описываемое. Свѣтъ на него проливаетъ переводъ LXX, который 41-й ст. читаетъ такимъ образомъ: „и сказалъ Саулъ: Господи Боже Израилевъ! *Отчего не отвѣчалъ Ты рабу твоему сегодня? Во мнѣ ли или въ Ионаанъ, сынъ моему, вина? Господи Боже Израилевъ, дай знаменіе* (*δηλούς*); *и если вина въ народъ твоему Израиль, дай святость* (*δοσιότητα*); и получили жребій (*κληροοῦνται*) Ионаанъ и Саулъ, а народъ вышелъ“¹⁾. Ясно, что здѣсь идетъ рѣчь о разузнаваніи судьбы чрезъ вопрошенія Бога. Изъ многочисленныхъ мѣстъ (Исх. XXVIII, 26; Лев. VIII, 8; Числ. XXVII, 21; Втор. XXXIII, 8; 1 Цар. XXVIII, 6; Ис. XXIV, 14; Ездр. II, 63; Неем. VII, 65) мы знаемъ, что вопрошеніе Бога происходило чрезъ посредство двухъ предметовъ, которые назывались „Уримъ и Туммимъ“. Смотря потому, какой изъ этихъ предметовъ былъ указуемъ провидѣніемъ, получался отвѣтъ или утвердительный или отрицательный, или оправдывающій или обвиняющій. Есть основаніе думать, что и въ данномъ случаѣ вопрошеніе Бога происходило посредствомъ этихъ двухъ таинственныхъ предметовъ. Правда, ни въ мазоретскомъ, ни въ греческомъ текстѣ здѣсь нѣтъ словъ Уримъ и Туммимъ. Но болѣе или менѣе ясные слѣды этихъ словъ можно находить въ томъ и другомъ. Слова Уримъ и Туммимъ, какъ нарицательныя, означаютъ собственно: первое—свѣты (отъ ἡλξ свѣтъ), метафорически—

¹⁾ Въ подлинникѣ греческій переводъ 41 ст. таковъ: *Καὶ εἶπε Σαουλ Κύριε ὁ Θεὸς Ἰσραὴλ, τί ὅτι ὄνκα ἀπεκρίθης τῷ δούλῳ σήμερον; εἰ ἐν ἐμοὶ ἢ ἐν Ἰωνάθαν τῷ υἱῷ μου ἡ ἀδικία; Κύριε ὁ Θεὸς Ἰσραὴλ, δὸς δηλούς, καὶ ἐὰν τάδε εἶπῃ, δὸς δὴ τῷ λαῷ σου Ἰσραὴλ δὸς δὴ δοσιότητα.* Последнюю фразу, значущую собственно: „и если это скажетъ, дай народу твоему Израилеву, дай святость“, слѣдуетъ признать поврежденною. *Τὰ δε εἶπῃ* образовалось изъ *ἡν ἀδικεῖα*, такъ какъ последнее читается какъ въ древнелатинскомъ переводѣ, сдѣланномъ съ греческаго, такъ и въ текстѣ Пешито исправленномъ въ этомъ мѣстѣ Иаковомъ Эдескимъ по переводу LXX. Помѣщенный нами выше переводъ съ греческаго сдѣланъ нами по исправленному тексту.

откровенеі; второе—совершенства (отъ $\sigma\eta$). Принимая эти слова за нарицательныя, переводъ LXX передаетъ ихъ разными словами: вм. Уримъ онъ употребляетъ $\delta\eta\lambda\omega\sigma\iota\varsigma$ (извѣщеніе Лев. VIII, 8; Исх. XXVIII, 26) или $\delta\eta\lambda\omega\iota$ (известны—Втор. XXXII, 42; 1 Цар. XXVIII, 6) и $\tau\alpha\ \theta\omega\tau\acute{\iota}\zeta\omicron\nu\tau\alpha$ (освѣщающія—2 Ездр. II, 63); вм. Туммимъ— $\eta\ \alpha\lambda\eta\theta\epsilon\iota\alpha$ (истина—Исх. XXVIII, 26; Лев. VIII, 8 и др.) и $\tau\alpha\ \tau\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\iota\alpha$ (совершенныя—2 Ездр. II, 63). Стоящія въ греческомъ переводѣ разсматриваемаго мѣста слова $\delta\eta\lambda\omega\iota$ и $\delta\omicron\sigma\iota\omicron\tau\eta\varsigma$ (известны и святость) суть ничто иное какъ болѣе или менѣе буквальный переводъ еврейскихъ словъ Уримъ и Туммимъ. Итакъ греческій переводчикъ несомнѣнно имѣлъ предъ глазами оба слова Уримъ и Туммимъ и только вмѣсто того, чтобы оставить ихъ безъ перевода, какъ собственные имена, онъ перевелъ ихъ, какъ нарицательныя. Если теперь вмѣсто греческихъ словъ нарицательныхъ поставить собственные имена еврейскія, то 41 стихъ будетъ имѣть такой видъ: „и сказалъ Саулъ: Господи Боже Израилевъ! Отчего не отвѣчалъ Ты нынѣ рабу твоему? Моя ли въ томъ вина или сына моего, Ионаана? Господи Боже Израилевъ, дай Уримъ. Если же вина въ народѣ Твоемъ Израилѣ, дай Туммимъ. И получили жребій Ионаанъ и Саулъ, а народъ вышелъ“ (такъ какъ данъ былъ Уримъ, а не Туммимъ). При такомъ чтеніи смыслъ 41-го ст. ясенъ и естественъ. А что греческій переводчикъ даетъ здѣсь не произвольный, объясняющій перифразъ, а точный переводъ первоначальнаго чтенія, за это говорить то, что онъ буквально перевелъ слова Уримъ и Туммимъ, какъ нарицательныя, рискуя быть непонятымъ. Нѣкоторый слѣдъ этого первоначальнаго чтенія сохранилъ и мазоретскій текстъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ должно стоять слово Туммимъ, и до сихъ поръ сохраняется евр. слово $\sigma\eta\mu$ (т-мим); только мазореты неправильно вокализуютъ его, читая не *туммим*, а *тамим* (прил. непорочный и какъ сущ. совѣршенство). Что же касается слова Уримъ и всей соединенной съ нимъ фразы, то она совсѣмъ опущена въ мазоретскомъ текстѣ, конечно по винѣ переписчика. Опушеніе это произошло оттого, что переписчикъ, написавъ въ началѣ стиха: „Господи Боже Израилевъ“, и продолжая смотрѣть въ подлинникъ, по ошибкѣ остановилъ свой взглядъ вмѣсто перваго *Израил* на третьемъ и,

продолжая писать слѣдующее за третьимъ *Израел*: „дай Туммимъ“, опустилъ всю середину стиха: „отчего не отвѣтилъ Ты нынѣ рабу Твоему? Моя ли въ томъ вина или сына моего Ионаѳана? Господи Боже Израилевъ, дай Уримъ! Если вина въ народѣ твоємъ Израилѣ“. Подобнымъ же образомъ произошло опущеніе и въ слѣдующемъ 42-мъ ст. по мазоретскому тексту. По переводу LXX этотъ стихъ читается такъ: „И сказалъ Сауль: бросьте (жребій) между мною и между Ионаѳаномъ, сыномъ моимъ. *Кого обзавитъ Господь, тотъ да умретъ. И сказалъ народъ Саулу: да не будетъ* ¹⁾ *по слову этому. И превозмогъ Сауль народъ, и бросили (жребій) между нимъ и между Ионаѳаномъ сыномъ его. И получилъ жребій Ионаѳанъ*“. Еврейскій же переписчикъ благодаря сходству двухъ выраженій: „между Ионаѳаномъ сыномъ моимъ“ и „между Ионаѳаномъ сыномъ его“ (по евр. разница лишь въ одной буквѣ конечной: въ первомъ выраженіи—буква ך, во второмъ—), опустилъ середину стиха, оставивъ только: „и сказалъ Сауль: бросьте (жребій) между мною и между Ионаѳаномъ, сыномъ моимъ. И взять былъ Ионаѳанъ“.

1 Цар. II, 25—въ переводѣ (Кенникота) съ мазоретскаго текста имѣеть такой смыслъ: „если согрѣшитъ человѣкъ противъ человѣка, то *разсудитъ* (יִשְׁפֹּט) *его Богъ*; если же человѣкъ согрѣшитъ противъ Господа, то кто помолится за него?“ Не трудно видѣть, что здѣсь противоположеніе не выдержано. Какая же разница между грѣхомъ противъ Бога и грѣхомъ противъ человѣка, если судъ Божій и отсутствіе посторонняго ходатайства суть факты вполне совмѣстимые? Если замѣнить „разсудить“ словомъ „исправить“, то во 1-хъ глаголу еврейскому будетъ дано значеніе, какого онъ нигдѣ не имѣеть, и во 2-хъ цѣлой фразѣ приданъ будетъ смыслъ, несвойственный духу ветхозавѣтной религіи. При переводѣ еврейскаго глагола словомъ „называть“, какъ напр. въ ис. 106, 30, весь стихъ теряетъ всякій смыслъ. Въ виду этого слѣдуетъ признать болѣе правильнымъ чтеніе перевода LXX: если согрѣшитъ человѣкъ противъ человѣка, *то помолятся за него Господу* (προευξονται υπέρ αὐτοῦ πρὸς κύριον); если же человѣкъ согрѣшитъ противъ

¹⁾ Греч. οὐκ ἔστι (слав. нѣсть) есть по всей вѣроятности описка вмѣсто οὐκ ἔσται (да не будетъ).

Господа, то кто помолится за него“? Въ первоначальномъ еврейскомъ текстѣ стояло такимъ образомъ: упилелу ло эл іегова. Благодаря небрежности переписчика вмѣсто двухъ одинаковыхъ слоговъ (лу и ло—гласныя не писались) остался одинъ (ло) и вмѣсто двухъ словъ эл іегова (эл элогимъ?) явилось одно элогим. Такимъ образомъ и получилось теперешнее мазоретское чтеніе.

2 Цар. XVII, 1—3. Ахитофель говорилъ Авессалому: „выберу я двѣнадцать тысячъ человѣкъ, и встану и пойду въ погоню за Давидомъ въ эту ночь. И нападу на него, когда онъ будетъ утомленъ и съ опущенными руками; и приведу его въ страхъ; и всѣ люди, которые съ нимъ разбѣгутся; и я убью одного царя. И всѣхъ людей обращу къ тебѣ“. Далѣе слѣдуютъ евр. слова: *кешув* (=какъ возвращаться) *хакол* (=весь) *хаиш* (=мужъ) *ашер* (=который) *атта* (=ты) *меваккеш* (ищущій). Заканчивается стихъ словами: „весь народъ будетъ въ мирѣ“. Какъ понимать выписанныя нами еврейскія слова? Много до сихъ поръ дано было переводовъ этого мѣста, но всѣ они по справедливому замѣчанію Тениуса страдают неграмматичностью, неестественностью и непонятностью. Лютеръ переводитъ: „если каждый къ тебѣ возвратится, какъ ты желаешь, то весь народъ будетъ въ мирѣ“. Однако евр. слово *кол* съ членомъ никогда не обозначаетъ „каждый“, но всегда имѣетъ значеніе безусловное: всѣ, все. De Dieu исправляетъ этотъ переводъ такъ: „когда всѣ возвратятся, кого ты желаешь, весь народъ будетъ въ мирѣ“. Но въ такомъ случаѣ слово *иш*(мужъ) стояло бы безъ члена. Михаэлисъ и Шульцъ даютъ такой переводъ: „если всѣ возвратятся, (то будетъ только одинъ) мужъ, котораго ты желалъ“. Но кромѣ того, что этотъ переводъ приноситъ слова, какихъ нѣтъ въ подлинникѣ, онъ противорѣчитъ сказанному ранѣе. Если всѣ возвратятся послѣ того, какъ будетъ убитъ царь (Давидъ), то какъ же по возвращеніи всѣхъ можетъ остаться одинъ (Давидъ)? De Wette и Keil переводятъ почти одинаково: „какъ возвращеніе всѣхъ есть мужъ, котораго ты ищешь“. Это самый точный переводъ изъ всѣхъ существующихъ. Но только нѣмецкая туманность, слывущая часто за философичность, можетъ придумать такое чтеніе, въ которомъ „мужъ есть

возвращеніе“. Св. писаніе свободно отъ такихъ безграмотныхъ выраженій. Между тѣмъ какъ мазоретскій текстъ этого мѣста представляетъ столь большія затрудненія для грамматическаго и логическаго сочетанія словъ, греческій переводъ даетъ намъ чтеніе, насколько ясное, настолько и естественное, и сверхъ того такое, изъ котораго весьма легко могло возникнуть теперешнее мазоретское чтеніе: „и возвращу весь народъ къ тебѣ, какъ возвращается невьста къ мужу своему. Только души одного человека ищешь ты, и всему народу будетъ миръ.“ Эта образная рѣчь конечно болѣе въ духѣ ветхозавѣтнаго языка и въ частности мудраго и краснорѣчиваго Ахитофела (ср. XVI, 23), чѣмъ такое единственно возможное для мазоретскаго текста сочетаніе словъ, какъ: „возвращеніе всѣхъ есть мужъ“. Изъ слѣдующаго затѣмъ сопоставленія того чтенія, которое имѣли LXX, и того, какое находимъ теперь въ мазоретской бібліи, можно видѣть, какъ изъ перваго явилось второе.

У LXX: *хклх* ¹⁾ *эл ишх ах нефеш иш ехад* (ⲉⲗ ⲁⲕⲗ ⲁⲕ ⲛⲉⲑⲉⲃⲏⲥ ⲛⲏⲥ ⲉⲕⲁⲃ)

У маз.: *хкл* *иши* *ашер* (ⲁⲥⲏⲣ)

Отъ слова хакаллах (невьста) писецъ отдѣлилъ послѣднюю согласную х и отнесъ ее къ слову ишах (мужу), опустивъ эл (къ). Получилось такимъ образомъ хакол хаиш. Принявъ далѣе иш второе за первое, опустилъ середину фразы. вмѣсто же ехад (одинъ) прочелъ ашер (который) благодаря сходству буквъ. Еще Іеронимъ читалъ въ своемъ оригиналѣ не ашер, что имѣетъ теперь мазоретскій текстъ, а первоначальное ехад, такъ какъ онъ переводитъ ипш (одного), хотя въ общемъ рукопись его уже была повреждена въ этомъ мѣстѣ. Одинъ іудейскій ученый, Соломонъ Шилль, признавая „неграмматичность и неестественность“ разбираемой фразы, предлагаетъ читать вмѣсто кешув хакол—кешуви меакот и переводить: „когда возвращусь я съ пораженія мужа, котораго ты ищешь, весь народъ будетъ въ мирѣ“. Нѣтъ сомнѣнія, что при произвольной замѣнѣ однихъ словъ другими можно придать разбираемому мѣсту много болѣе или менѣе приличныхъ смысловъ. Но чтобы такая работа имѣла цѣну, необходимо имѣть какія либо вѣскія

¹⁾ Для наглядности мы транскрибируемъ букву ⲗ и не обозначаемъ нѣкоторыхъ гласныхъ.

историческія или филологическія основанія. Но этого то именно и нѣтъ въ предлагаемомъ Шиллемъ чтеніи. То обстоятельство, что въ предложенномъ имъ сочетаніи глаголь נָשַׁח употребляется въ первыхъ двухъ книгахъ Царствъ четыре раза (1 Цар. XVII, 57; XVIII, 6; 2 Цар. I, 1; VIII, 13), ничего не доказываетъ, такъ какъ этотъ глаголь и безъ выраженія меакот встрѣчается въ тѣхъ же книгахъ болѣе 40 разъ (см. Concord. Vuxl.). Кромѣ того послѣ выраженія кешуви меакот долженъ еще стоять предлогъ ($\text{לִּכְ$ какъ во всѣхъ указанныхъ четырехъ мѣстахъ), котораго нѣтъ въ данномъ мѣстѣ. Нечего говорить конечно о томъ, что чтеніе Шилля не оправдывается ни однимъ изъ древнихъ переводовъ.

2 Цар. VIII, 4: „И взялъ Давидъ у него (т. е. у Адраазара, царя Сувскаго) 1,700 всадниковъ и 20,000 челоуѣкъ пѣшихъ“. Въ 1 Пар XVIII, 4 читаемъ: „и взялъ Давидъ у него 1,000 колесницъ, 7,000 всадниковъ и 20,000 пѣшихъ“. Ясно, что одно изъ этихъ чтеній неправильно. Какое же? На это отвѣчаетъ греческій переводъ. Въ указанномъ мѣстѣ кн. Царствъ онъ читаетъ: „и взялъ Давидъ у него 1,000 колесницъ и 7,000 всадниковъ и 20,000 мужей пѣшихъ“. Что чтеніе это есть первоначальное, за это говоритъ то, что 7,000 всадниковъ и 20,000 пѣшихъ составляетъ болѣе естественную пропорцію, чѣмъ 1,700 всадниковъ и 20,000 пѣшихъ. Теперешнее мазоретское чтеніе произошло оттого, что переписчикъ опустилъ слово рехев (колесницъ) послѣ слова элефъ (тысяча) и поставивъ такимъ образомъ рядомъ 1,000 и 7,000, счелъ послѣднее за сотни, отчего и получилось 1,700. Или можетъ быть $\dot{\iota}$ (т. е. 7,000) принялъ за $\dot{\iota}$ (700).

2 Цар. IV, 6 — 7. Разсказъ объ убійствѣ Іевосея, сына Саула, по мазоретскому тексту представляется въ такомъ видѣ: „и вотъ вошли они въ середину дома, (какъ бы) беря пшеницу и поразили его въ животъ, и Рихавъ и Баана, братъ его, бѣжали; и вошли въ домъ, и онъ спалъ на постели своей въ спальнѣй комнатѣ своей, и поразили его и умертвили его и отрубили голову его“ и д. Въ переводѣ же LXX разсказъ таковъ: „и вотъ привратникъ дома очищавъ пшеницу и задремалъ и уснулъ. И Рихавъ и Баана, братья, тайно вошли въ домъ, и Іе-

всоей спалъ на постели своей въ спальнѣ своей, и били его, и умертвили его, и отрубили голову его“ и д. Самый характеръ разсказа LXX въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ отстываетъ отъ текста еврейскаго, говорить о томъ, что разночтеніе LXX-ти не есть ихъ вымыслъ, но имѣло основаніе свое въ томъ еврейскомъ оригиналѣ, который имѣли они подъ руками. На самомъ дѣлѣ, зачѣмъ нужно было имъ придумывать повѣствованіе о какомъ то снѣщемъ привратникѣ, если и безъ того разсказъ ясенъ? Сравнивая же оба чтенія, мазоретское и греческое, мы должны отдать послѣднему рѣшительное предпочтеніе, такъ какъ мазоретское чтеніе содержитъ излишнее и безцѣльное повтореніе главной сути разсказа, не рѣдко въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ. При этомъ чтеніе мазоретское скорѣе могло возникнуть при невнимательной перепискѣ изъ того чтенія, какое имѣли LXX, чѣмъ наоборотъ, такъ какъ очевидно первая половина (стихъ 6-й) мазоретскаго текста есть нѣкоторое уподобленіе первоначальнаго чтенія второй половинѣ (7-му стиху).

2 Цар. XV, 20. Давидъ говорить Евою Геоянину: „возвратись и возврати братьевъ твоихъ съ тобою. *Милость и истина*“. По тексту же LXX Давидъ сказалъ: „возвратись и возврати братьевъ твоихъ съ тобою“ и *Господь да сотворитъ съ тобою милость и истину*“. Во всемъ св. писаніи нѣтъ примѣровъ, гдѣ слова „милость и истина“ стояли бы совершенно отдѣльно и независимо, какъ въ приведенномъ мазоретскомъ текстѣ. Напротивъ они нерѣдко встрѣчаются въ томъ сочетаніи, какое даетъ переводъ LXX. Въ той-же книгѣ нѣсколькими главами ранѣе (II, 6) Давидъ говорилъ чрезъ пословъ жителямъ Гависа: яас іегова иммахемъ хеседъ всемоу т. е. „да сотворитъ Господь съ вами милость и истину“. Разница между этими словами и чтеніемъ LXX въ разбираемомъ мѣстѣ состоитъ лишь въ мѣстоимѣніи. Какъ изъ такого первоначальнаго чтенія произошло теперешнее мазоретское, понять не трудно. Очевидно, писецъ, написавъ первое „съ тобою“, по ошибкѣ остановился на второмъ и продолжалъ писать: „милость и истину“, не подозрѣвая, что опустилъ „и Господь да сотворитъ съ тобою“. Иеронимъ вѣроятно имѣлъ неповрежденное еще чтеніе, такъ какъ перевелъ одинаково

съ переводомъ LXX: et Dominus faciet tecum misericordiam et veritatem.

2 Цар. XV, 18. Священный писатель, описывая бѣгство Давида во время возстанія Авессалома, говоритъ: „и всѣ слуги его (т. е. Давида) шли по сторонамъ его, и всѣ Хелееси и всѣ Фелееи, и всѣ *Геояне* до шестисотъ человѣкъ, пришедшіе вмѣстѣ съ нимъ изъ Геѳа, шли впереди царя“. Въ повѣствованіи этомъ представляется страннымъ, какимъ образомъ въ числѣ преданныхъ Давиду лицъ, рѣшившихся съ нимъ переносить разразившееся надъ нимъ бѣдствіе, оказались иностранцы, именно Геояне—Филистимляне, въ числѣ 600 человѣкъ?

Когда, какимъ образомъ и откуда явились у него эти 600 человѣкъ? Исторію этихъ 600 человѣкъ мы можемъ прослѣдить шагъ за шагомъ отъ самаго начала ея по тѣмъ же книгамъ царствъ. Когда Давидъ, гонимый Сауломъ, пришелъ въ пещеру Адолламскую, то „собрались къ нему всѣ притѣсненные и всѣ должники и всѣ огорченные душою, и сдѣлался онъ начальникомъ надъ ними; и было съ нимъ около 400 человѣкъ“ (1 Цар. XXII, 1—2). Въ скоромъ времени во время борьбы Давида съ Филистимлянами еще въ царствованіи Саула число преданныхъ ему людей увеличилось до 600 (— XXIII, 13). Когда Давидъ рѣшился отомстить Навалу за оскорбленіе, то „пошли за Давидомъ около 400 человѣкъ, а 200 остались при обозѣ“ (— XXV, 13). Опасаясь преслѣдованія со стороны Саула, Давидъ „и 600 мужей, бывшихъ съ нимъ“, ищутъ убѣжища у Геескаго царя Анхуса и поселяются въ Геѳъ (— XXVII, 2—3). Изъ Геѳа они перешли въ Секелагъ (—8). По смерти Саула Давидъ съ своими людьми переселяется въ Хевронъ (2 Цар. II, 3) и наконецъ въ Іерусалимъ (— V, 6). Они остаются при немъ во все его царствованіе въ качествѣ самаго преданнаго отряда подъ именемъ „храбрыхъ“ (гибборим). Ихъ посылаетъ Давидъ подъ начальствомъ Іоава противъ Аммонитянъ (— X, 7). По смерти Авессалома при возмущеніи израильскихъ колѣнъ во главѣ съ Савсемъ противъ Давида, подъ начальствомъ Авессы „Хелееи и Фелееи и всѣ храбрые (гибборим) пошли изъ Іерусалима преслѣдовать Савея“ XX, 7). Не ясно ли отсюда, что тѣ 600

человѣкъ, которые сопровождали Давида при возмущеніи Авессалома вмѣстѣ съ Хелееями и Фелееями, были извѣстные уже намъ „притѣсненные и огорченные душою“, ставшіе потомъ войскомъ храбрыхъ—гибборим? Можетъ ли быть рѣчь объ ихъ филистимскомъ происхожденіи? Очевидно слѣдовательно, что въ мазоретскомъ чтеніи 2 Цар. XV, 18 Гееяне явились по ошибкѣ переписчика. Каково же было первоначальное чтеніе? Его даетъ намъ переводъ LXX. Въ переводѣ этомъ разсматриваемыя нами слова переведены двойко. Въ первомъ переводѣ въ соотвѣтствіе еврейскому „всѣ Гееяне до 600 человѣкъ“ стоитъ: „всѣ воинственные въ числѣ 600 мужей“ (*πάντες οἱ μαχηταὶ ἑξακόσιοι ἄνδρες*), въ другомъ: „всѣ Гееяне въ числѣ 600 мужей“ (*πάντες οἱ Γεθαῖοι οἱ ἑξακόσιοι ἄνδρες*). Несомнѣнно, второй переводъ есть позднѣйшее исправленіе перваго по поврежденному уже еврейскому тексту и значился первоначально на поляхъ, а потомъ уже перенесенъ въ текстъ переписчикомъ, не свѣрившимъ переводъ съ подлинникомъ и не подозрѣвавшимъ здѣсь двойкаго перевода. Итакъ первоначальное чтеніе LXX было: *οἱ μαχηταὶ* т. е. тоже, что свр. гибборим.

Точно также и Иосифъ Флавій, излагая исторію возмущенія Авессалома (*Archaeol.* VII, 9. 1. 2) говоритъ о „600 гражданахъ, которые присоединялись къ нему (т. е. къ Давиду) и при первомъ его бѣгствѣ, когда жилъ Саулъ“ Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что въ первоначальномъ еврейскомъ текстѣ стояло слово гибборим (גִּבּוֹרִים); благодаря же опущенію буквы ג и замѣнѣ буквы ה буквой ל, что произошло отъ уподобленія этого слова встрѣчающемуся въ слѣдующемъ стихѣ слову гити (т. е. геейнину) вмѣсто гибборим въ мазоретскомъ текстѣ явилось гитим (גִּתִּים) т. е. гееяне. Переводы халдейскій, сирійскій и арабскій имѣютъ неправильное чтеніе: гееяне; Вульгата же двойкое—правильное (*pugnatores validi*) и неправильное (*Gethaei*).

1 Цар. XXIV, 6: „Но послѣ сего больно стало сердцу Давида, что отрѣзалъ онъ *край Саула*“ (букв. край, который у Саула). Переводъ LXX со всѣми другими древними переводами, за исключеніемъ халдейскаго, и съ 3 кодексами Кенникота и 5 кодексами де-Росси, читасть здѣсь необходимое хамменл т. е. (край) *одежды*.

1 Цар. X, 1—2. Помазывая на царство Саула, Саму-

иль говорить ему: „не помазалъ ли тебя Господь надъ наслѣдіемъ Своимъ въ правителя? Когда ты пойдешь теперь отъ меня, то встрѣтишь двухъ челоуѣкъ близъ гроба Рахили“ и д. Для внимательнаго читателя мѣсто это должно представиться шероховатымъ. Во 1-хъ не ясна связь перваго и втораго стиха. Во 2-хъ непонятенъ стоящій между словами не—помазалъ союзъ *ки* (что, такъ какъ, если), который мы опустили въ переводѣ. То и другое недоумѣніе устраняется чтеніемъ перевода LXX. Оно таково: „не помазалъ ли тебя Господь въ правителя надъ народомъ своимъ надъ Израилемъ и ты будешь царствовать надъ народомъ Господнимъ; и вотъ тебѣ знаменіе, что помазалъ тебя Господь надъ наслѣдіемъ Своимъ въ правителя: когда ты пойдешь теперь отъ меня, то встрѣтишь“ и д. Связь между двумя стихами здѣсь вполне ясна. Понятно и то, откуда явилась частица *ки*. Мазоретское чтеніе возникло изъ этого благодаря тому, что переписчикъ вмѣсто перваго: „помазалъ тебя Господь“ списалъ второе съ предшествующимъ ему союзомъ „что“, опустивъ все то, что напечатано курсивомъ.

1 Цар. X, 20 — 21: „И велѣлъ Самуиль подходить всѣмъ колѣнамъ израилевымъ и указано колѣно Веніаминово. И велѣлъ подходить колѣну Веніаминову по племенамъ его, и указано племя Матріево, и указанъ Сауль, сынъ Кисовъ; и искали его, и не находили“. Непонятно, какимъ образомъ могъ быть указанъ отсутствовавшій Сауль? Недоумѣніе это устраняется чтеніемъ LXX, которые послѣ словъ: „и указало племя Матріево“, имѣютъ еще: „и приводятъ племя Матріево по мужамъ“. Изъ этихъ словъ видно, что подобно тому, какъ вызывалось каждое колѣно и племя въ отдѣльности и брало тотъ или другой священный жребій, также отдѣльно выкликалось и имя каждаго лица, принадлежавшаго къ племени Матріеву. Одинаковое чтеніе съ переводомъ LXX имѣетъ и одна еврейская рукопись у Кенникота. Опушеніе же въ мазоретскомъ текстѣ произошло отъ повторенія однихъ и тѣхъ же словъ (племя Матріево) и благодаря позднѣйшей корректурѣ, исключившей выраженіе „по мужамъ“, какъ не вяжущееся съ предыдущимъ.

2 Цар. III, 7: „У Саула была наложница по имени

Рицца, дочь Аія. И сказалъ Авениру: зачѣмъ ты вошелъ къ наложницѣ отца моего“? При словѣ „сказалъ“ въ мазоретскомъ текстѣ не названъ субъектъ, не указанъ онъ и въ предшествующихъ стихахъ главы. Правда, въ слѣдующемъ стихѣ онъ названъ; но во всякомъ случаѣ при обычномъ письмѣ авторъ позволяетъ себѣ опускать имя дѣйствующаго лица лишь при повтореніи его, но никакъ при первомъ его употребленіи. На этомъ основаніи слѣдуетъ предпочесть мазоретскому чтенію чтеніе LXX, гдѣ послѣ слова „сказалъ“ стоитъ: „*Гевосеѣй сынъ Саула*“. Чтеніе это раздѣляется перев. Сир., араб., Вулг., 1 кодексомъ Кенникота и 2 кодексами де-Росси. Преимущество чтенія перевода LXX предъ чтеніемъ мазоретскимъ слѣдуетъ признать и въ другихъ мѣстахъ, какъ напр.: 1 Цар. VI, 1; XII, 14; XIII, 8; 2 Цар. II, 22—23; VI, 6; XIII, 37; XXII, 12. 27; 3 Цар. VIII, 16.

Третій родъ поврежденій въ текстѣ мазоретскомъ составляютъ вставки. Послѣднія однако представляютъ собою довольно рѣдкое явленіе среди ненамѣренныхъ поврежденій текста, что само собой понятно. Въ книгахъ царствъ съ увѣренностью можно указать лишь одинъ примѣръ произвольной вставки, происшедшей благодаря невнимательности переписчика. Это именно въ 2 Цар. VI, 3—4. По мазоретскому тексту эти стихи читаются такъ: „и поставили ковчегъ Божій на колесницу новую и вывели его изъ дома Аминадава, который на холмѣ. Оза же и Ахіо, сыновья Аминадава, везли колесницу *новую и вывели его изъ дома Аминадава, который на холмѣ*, съ ковчегомъ Божиимъ и Ахіо шелъ впереди ковчега“. По переводу же LXX словъ напечатанныхъ курсивомъ нѣтъ. Недостающая въ греческомъ переводѣ фраза есть абсолютно тождественное и слѣдовательно совершенно безцѣльное повтореніе словъ 3-го стиха. Благодаря этой фразѣ слѣдующее за ней выраженіе „съ ковчегомъ Божиимъ“ стоитъ внѣ всякой связи (изъ дома Аминадава, который на холмѣ, съ ковчегомъ Божиимъ), тогда какъ безъ нея оно служитъ естественнымъ приложеніемъ къ слову „колесницу“. Далѣе, при второмъ „новую“ (колесницу) долженъ стоять членъ, какъ стоитъ онъ при второмъ „колесницу“. Однако его нѣтъ. Отсутствіе его можетъ быть объяснено лишь тѣмъ, что второе

„новую“ есть ошибочное повтореніе перваго, гдѣ оно, какъ и слово „колесницу“, члена не имѣеть. Въ виду всѣхъ этихъ основаній недостающую въ переводѣ LXX фразу слѣдуетъ признать за ненамѣренную вставку. Написавъ второе „колесницу“, переписчикъ по ошибкѣ возвратился взглядомъ къ первому и потому дословно повторилъ слѣдующія за этимъ выраженіемъ 6 словъ. Итакъ первоначальное чтеніе разбираемаго мѣста, сохранившееся въ переводѣ LXX, таково: „и поставили ковчегъ Божій на колесницу новую и вывели его изъ дома Аминадава, который на холмѣ. Оза же и Ахіо, сыновья Аминадава, везли колесницу съ ковчегомъ Божиимъ, и Ахіо шель впереди ковчега“.

Заканчивая рѣчь о послѣднемъ родѣ поврежденій въ текстѣ мазоретскомъ, именно о вставкахъ, мы считаемъ умѣстнымъ коснуться того различія между еврейскимъ текстомъ и переводомъ LXX, какое обнаруживается въ 17 и 18 главахъ 1 кн. Царствъ. Различіе это весьма велико и въ тоже время таково, что дать рѣшительный отвѣтъ на вопросъ о его происхожденіи очень трудно. Тѣмъ не менѣе мы попробуемъ дать ему объясненіе, которое представляется намъ наиболѣе вѣроятнымъ. Но чтобы яснѣе обнаружились какъ характеръ самаго различія между чтеніями еврейскимъ и греческимъ, такъ и тѣ основанія, изъ которыхъ исходятъ наши сужденія, мы приведемъ рассказъ по тексту мазоретскому; причемъ то, что имѣеть текстъ мазоретскій, но чего не имѣеть переводъ LXX, будетъ напечатано курсивомъ. Чтобы взять рассматриваемое нами мѣсто въ контекстѣ, мы начнемъ съ конца предшествующей т. е. 16-й главы.

Священный писатель рассказываетъ здѣсь слѣдующее. Когда отъ Саула отступилъ Духъ Господень, и сталъ возмущать его духъ злой, слуги Саула посовѣтовали ему для его успокоенія послушать искусную игру на гусяхъ, указавъ искуснаго игрока въ сынѣ Иессеевомъ, „человѣкъ храбрый, воинственномъ, разумномъ въ рѣчахъ и видномъ собою“. „И послалъ Саулъ вѣстниковъ къ Иессею и сказалъ: пошли ко мнѣ Давида, сына своего, который при стадѣ. И взялъ Иессей осла съ хлѣбомъ и мѣхъ съ виномъ и одного козленка, и послалъ съ Давидомъ, сыномъ своимъ къ Саулу. И пришелъ Давидъ къ Саулу и служилъ

предъ нимъ, и очень понравился ему и сдѣлался его оруженосцемъ. И послалъ Саулъ сказать Іессею: пусть Давидъ служить при мнѣ; ибо онъ снискалъ благоволеніе въ глазахъ моихъ. И когда духъ отъ Бога бывалъ на Саулѣ; то Давидъ, взявъ гусли, игралъ,—и отраднѣе и лучше становилось Саулу и духъ злой отступалъ отъ него“ (19—23).

Начало 17-ой главы говорить о нашествіи филистимлянъ на израильтянъ и о выходѣ филистимскаго единборца, Голиаѳа, на поле битвы съ предложеніемъ сразиться съ нимъ одинъ на одинъ.

„И кричалъ (онъ) къ полкамъ Израильскимъ, говоря имъ: зачѣмъ вышли вы воевать? Не Филистимлянинъ ли я, а вы рабы Сауловы? Выберите у себя человѣка, и пусть сойдетъ ко мнѣ (— 8). Если онъ можетъ сразиться со мною и убьетъ меня, то мы будемъ вашими рабами; если же я одолѣю его и убью его, то вы будете нашими рабами и будете служить намъ (—9). И сказалъ Филистимлянинъ: сегодня я посрамлю полки израильскіе; дайте мнѣ человѣка, и мы сразимся вдвоемъ (—10). И услышали Саулъ и всѣ израильтяне эти слова филистимлянина, и очень испугались и ужаснулись“ (11).

„Давидъ же былъ сынъ Ефравянина изъ Вифлеема Иудина, по имени Іессея, у котораго было восемь сыновей. Этотъ человекъ во дни Саула достигъ старости и былъ старшій между женами (12). Три старшихъ сына Іессея пошли съ Сауломъ на войну: имена трехъ сыновей его, пошедшихъ на войну: старшій—Елиавъ, второй за нимъ Аминадавъ, и третій—Самма (13). Давидъ же былъ меньшій; трое старшихъ пошли съ Сауломъ (14). А Давидъ возвратился отъ Саула, чтобы пасти овецъ отца своего въ Вифлеемъ (15). И выступалъ Филистимлянинъ тотъ утромъ и вечеромъ, и представлялъ себя сорокъ дней (16). И сказалъ Іессей Давиду, сыну своему: возьми для братьевъ своихъ ефу сушеныхъ зеренъ и десять этихъ хлѣбовъ и отнеси поскорѣе въ станъ къ своимъ братьямъ (17). А эти десять сыровъ отнеси тысяченачальнику, и навѣдайся о здоровьѣ братьевъ, и узнай о нуждахъ ихъ (18). Саулъ и они и всѣ израильтяне (находились) въ долину дуба и готовились къ сраженію съ филистимлянами (19). И

всталъ Давидъ рано утромъ, и поручилъ овецъ сторожу, и взявъ ношу пошелъ, какъ приказалъ ему Тессей, и пришелъ къ обозу, когда войско выведено было въ строй, и съ крикомъ готовилось къ сраженію (20). И расположили Израильтяне и Филистимляне строй противъ строя (21). Давидъ оставилъ свою ношу обозному сторожу и побѣжалъ въ ряды и, пришедши, спросилъ братьевъ своихъ о здоровьѣ (22). И вотъ когда онъ разговаривалъ съ ними, единоборецъ, по имени Голиафъ, Филистимлянинъ изъ Геа, выступаетъ изъ рядовъ филистимскихъ, и говоритъ тѣ слова, и Давидъ услышалъ (23). И всѣ израильтяне, увидѣвъ этого человѣка, убѣгали отъ него и весьма боялись (24). И говорили израильтяне: видите этого выступающаго человѣка? Онъ выступаетъ, чтобы поносить израиля. Если бы кто убилъ его, одарилъ бы того царь великимъ богатствомъ, и дочь свою выдалъ бы за него, и домъ отца его сдѣлалъ бы свободнымъ въ израиль (25). И сказалъ Давидъ людямъ, стоящимъ съ нимъ: что сдѣлаютъ тому, кто убьетъ этого филистимлянина и сниметъ поношеніе съ израиля? Ибо кто этотъ необръзанный филистимлянинъ, что такъ поноситъ воинство Бога Живаго (26)? И сказалъ ему народъ тѣже слова, говоря: вотъ что сдѣлано будетъ тому человѣку, который убьетъ его (27). И услышалъ Елиавъ, старшій братъ Давида, что говорилъ онъ съ людьми, и разсердился Елиавъ на Давида и сказалъ: зачѣмъ ты сюда пришелъ, и на кого оставилъ немногихъ овецъ тѣхъ въ пустынь? Я знаю высокомеріе твое и дурное сердце твое; ты пришелъ посмотреть на сраженіе (28). И сказалъ Давидъ: что же я сдѣлалъ? не слова ли это? (29). И отвернулся отъ него къ другому и говорилъ тѣже слова и отвѣчалъ народъ ему по прежнему (30). И услышали слова, которыя говорилъ Давидъ, и пересказали Саулу, и тотъ призвалъ его“ (31).

„И сказалъ Давидъ Саулу: пусть никто не упадетъ духомъ изъ-за него: рабъ твой пойдетъ и сразится съ этимъ филистимляниномъ“ (32).

Далѣе въ ст. 33—48 передается разговоръ Саула съ Давидомъ и выступленіе послѣдняго на единоборца Голиафа.

„И опустилъ Давидъ руку свою въ сумку и взялъ от-

туда камень и бросилъ изъ пращи, и поразилъ Филистимлянина въ лобъ, такъ что камень вонзился въ лобъ его, и онъ упалъ лицомъ на землю (49). *Такъ одолѣлъ Давидъ филистимлянина пращею и камнемъ, и поразилъ филистимлянина и убилъ его; меча же не было въ рукахъ Давида* (50). Тогда Давидъ побѣждалъ и наступилъ на филистимлянина, взялъ мечъ его и вынулъ его изъ ноженъ, ударилъ его и отсѣкъ имъ голову его. Филистимляне, увидѣвъ, что силачъ ихъ умеръ, побѣжали“ (51).

Израильтяне преслѣдовали филистимлянъ; а Давидъ, взявъ голову Голиаеа, отнесъ ее въ Иерусалимъ, а оружіе его положилъ въ шатръ своею (52—54).

„Когда Саулъ увидѣлъ Давида, выходящаго противъ филистимлянина, то сказалъ Авениру, начальнику войска: Авениръ, чей сынъ этотъ юноша? Авениръ сказалъ: да живетъ душа твоя, царь, я этого не знаю (55). И сказалъ царь: такъ спроси, чей сынъ этотъ юноша? (56). Когда же возвращался послѣ пораженія филистимлянина; то Авениръ взялъ его и привелъ къ Саулу, и голова филистимлянина была въ рукъ его (57). И спросилъ его Саулъ: чей ты сынъ, юноша? И отвѣчалъ Давидъ: сынъ раба твоего, Иессей изъ Вифлеема (58). Когда кончилъ (Давидъ) разговоръ съ Сауломъ, душа Ионавана прильпичилась къ душѣ его, и полюбилъ его Ионаванъ, какъ свою душу (XVIII, 1). И взялъ его Саулъ въ тотъ день, и не позволилъ ему возвратиться въ домъ отца его (2). Ионаванъ же заключилъ съ Давидомъ союзъ, ибо полюбилъ его какъ свою душу (3). И снялъ Ионаванъ верхнюю одежду свою, которая была на немъ, и отдалъ ее Давиду, также и прочія одежды свои и мечъ свой и лукъ свой и поясъ свой (4). И Давидъ дѣйствовалъ благоразумно вездѣ, куда ни посылалъ его Саулъ, и сдѣлалъ его Саулъ начальникомъ надъ военными людьми, и это правилось всему народу и слугамъ Сауловымъ (5). Когда они шли, при возвращеніи Давида съ побѣды надъ филистимляниномъ, выходили навстрѣчу Саулу царю (LXX: Давиду) женщины изъ всѣхъ городовъ израильскихъ съ пѣніемъ и плясками, съ торжественными тимпанами и съ кимвалами (6). И восклицали игравшія женщины: Саулъ побѣдилъ тысячи, а Давидъ—десятки тысячъ! (7).

И Саулъ сильно огорчился, и неприятно было ему (LXX: Саулу) это слово, и онъ сказалъ: Давиду дали десятки тысячъ, а мнѣ тысячи; ему не достаетъ только царства (8). И съ того дня и потомъ подозрительно смотрѣлъ Саулъ на Давида (9). И было на другой день: напалъ злой духъ отъ Бога на Саула, и онъ бѣсновался въ домъ своемъ, а Давидъ игралъ рукою своею на струнахъ, какъ и въ другіе дни; въ рукѣ у Саула было копье (10). И бросилъ Саулъ копье, подумавъ: пригвожду Давида къ стѣнѣ; но Давидъ два раза уклонился отъ него (11). И сталъ бояться Саулъ Давида; потому что Господь былъ съ нимъ, а отъ Саула отступилъ (12). И удалилъ его Саулъ отъ себя, и поставилъ его у себя тысяченачальникомъ, и онъ выходилъ и входилъ предъ народомъ (13). И Давидъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ поступалъ благоразумно, и Господь (былъ) съ нимъ (14). И Саулъ видѣлъ, что онъ очень благоразуменъ, и боялся его (15). А весь израиль и Иуда любили Давида, ибо онъ выходилъ и входилъ предъ ними (16). И сказалъ Саулъ Давиду: вотъ старшая дочь моя, Мерова; я дамъ ее тебѣ въ жену, только будь у меня храбрымъ, и веди войны Господни; ибо Саулъ думалъ: пусть не моя рука будетъ на немъ, но рука филистимлянина будетъ на немъ (17). Но Давидъ сказалъ Саулу: кто я, и что жизнь моя, и родъ отца моего въ Израиль, чтобы мнѣ быть зятемъ царя? (18). А когда наступило время отдать Мерову, дочь Саула, Давиду, то она была выдана въ замужество за Адриэла изъ Мехолы (19). И полюбила Давида Мелхола, дочь Саула; и когда возвѣстили Саулу, то это было пріятно ему (20). Саулъ думалъ: отдамъ ее за него, и она будетъ ему сѣтью, и рука филистимлянъ будетъ на немъ (LXX: была надъ Сауломъ). И сказалъ Саулъ Давиду: чрезъ другую ты породнишься нымъ со мною (21). И приказалъ Саулъ слугамъ своимъ: скажите Давиду тайно: вотъ царь благоволитъ къ тебѣ, и всѣ слуги его любятъ тебя; итакъ будь зятемъ царя“ (22).

Подъ условіемъ доставленія ста краеобрѣзаній филистимскихъ Саулъ соглашается выдать дочь свою Мелхолу за Давида. Давидъ исполняетъ условіе и дѣлается зятемъ Саула (23—28).

„И сталъ Саулъ еще больше бояться Давида; и сдѣлался врагомъ его на всю жизнь (29). И когда вожди филистимскіе вышли, Давидъ съ самаго выхода ихъ дѣйствовалъ благоразумнѣе всѣхъ слугъ Сауловыхъ, и весьма прославилось имя его“ (30).

Изъ выписаннаго мазоретскаго текста 17-ой и 18-ой главы, въ которомъ отсутствующее въ переводѣ LXX отмѣчено курсивомъ, видно что разница между мазоретскимъ и греческимъ чтеніемъ заключается въ томъ, что послѣднему сравнительно съ мазоретскимъ не достаетъ 37 полныхъ стиховъ и 5 (не считая XVIII, 28 и 27) полустиховъ. Правда, нѣкоторыя рукописи греческаго перевода, и прежде всего рукопись александрійская, заключаютъ въ себѣ всѣ эти стихи. Однако это нисколько не подвергаетъ сомнѣнію тотъ очевидный фактъ, что въ первоначальномъ текстѣ перевода LXX указанныхъ нами стиховъ не было. Самая близкая къ первоначальному тексту LXX рукопись, именно Ватиканская, не имѣетъ этихъ стиховъ. А тѣ кодексы, которые имѣютъ ихъ одинаково съ кодексомъ александрійскимъ, отмѣчаютъ ихъ астерисками, т. е. прямо свидѣлствуютъ о томъ, что виновникъ ихъ происхожденія въ греческомъ переводѣ никто иной, какъ Оригенъ, восполнявшій изъ позднѣйшихъ греческихъ переводовъ тѣ пробѣлы, которые находилъ онъ въ текстѣ LXX по сравненію съ текстомъ еврейскимъ. Наконецъ, самый текстъ прибавленныхъ Оригеномъ стиховъ сохранилъ въ себѣ весьма ясный слѣдъ своего позднѣйшаго происхожденія. 12-й стихъ вмѣсто евр.: „Давидъ же былъ сынъ Ефраеянина“ и д. въ греческихъ манускриптахъ читается такъ: „и сказалъ Давидъ, сынъ Ефраеянина. Этотъ былъ“ и д. Выраженіе „и сказалъ Давидъ“ отсутствуетъ въ еврейскомъ подлинникѣ и не имѣетъ никакого смысла въ греческомъ переводѣ, такъ какъ ни ранѣе, ни послѣ этого выраженія мы не находимъ вблизи его словъ Давида. Рѣчь его начинается чрезъ цѣлыхъ 20 стиховъ! Откуда же взялись слова 12 ст. „и сказалъ Давидъ? Происхожденіе ихъ можно объяснить лишь такимъ образомъ. Въ первоначальныхъ спискахъ, съ которыхъ списаны были рукописи полной редакціи, за 11-мъ стихомъ слѣдовалъ непосредственно стихъ 32-й, начинающійся со словъ: „и сказалъ Давидъ Саулу“. Но противъ начала 32

стиха на поляхъ стояло прибавленіе изъ 20 стиховъ, сдѣланное позднѣйшимъ справщикомъ. Переписчикъ, списавъ 11-й стихъ и начавъ писать слѣдующій за нимъ въ текстѣ 32-й стихъ, замѣтилъ дополненіе, стоящее на поляхъ, и вписалъ его уже въ текстъ, искусно привязавъ его къ написаннымъ уже имъ словамъ: „и сказалъ Давидъ“. Итакъ несомнѣнно, что первоначальный текстъ LXX не содержалъ указанныхъ нами стиховъ, какъ не содержитъ ихъ теперь рукопись ватиканская.

Какъ же смотрѣть на это обстоятельство?

Ясно, что оно не могло быть плодомъ ненамѣренной ошибки писца. Невозможно, чтобы послѣдній не примѣтилъ и опустилъ ошибочно одно отдѣленіе въ 20 стиховъ, другое въ 9 стиховъ. Еще невѣроятнѣе становится это предположеніе въ виду того, что при опущеніи цѣлыхъ отдѣловъ въ 6 мѣстахъ связь разсказа нисколько не страдаетъ, въ чемъ можно убѣдиться прочитавъ выписанный нами текстъ, опуская куренвѣ. Столь же невѣроятно и другое предположеніе, что LXX намѣренно опустили недостающія у нихъ мѣста, хотя и имѣли ихъ въ своемъ оригиналѣ. Во 1-хъ, насколько позволяетъ судить общій характеръ перевода LXX, совсѣмъ не въ духъ послѣднихъ было сокращать священный текстъ. Ихъ скорѣе можно упрекнуть въ противномъ, именно въ прибавленіяхъ къ тексту еврейскому. Но допустимъ, что для этого мѣста было сдѣлано исключеніе LXX-ю. Допустимъ, что они нашли что-либо неудобное въ текстѣ еврейскомъ и опустили. Но таково могло быть одно, много два мѣста, и притомъ такихъ, которыя заключали бы въ себѣ чтолибо особенное. Но здѣсь такихъ мѣстъ 6 и притомъ въ разныхъ частяхъ главъ. И при всемъ желаніи, при всей критической строгости въ большей части этихъ мѣстъ нельзя указать рѣшительно ничего такого, что могло бы побудить переводчиковъ опустить ихъ. Всѣ эти соображенія вынуждаютъ насъ признать, что бывшій въ рукахъ греческихъ переводчиковъ еврейскій оригиналъ не заключалъ въ себѣ тѣхъ стиховъ, которыхъ нѣтъ въ переводѣ LXX. Съ другой стороны невѣроятно, чтобы стихи эти были вставкою позднѣйшаго времени, явившеюся въ текстѣ мазоретскомъ послѣ перевода LXX. То, что мы знаемъ изъ исторіи подлиннаго текста, не благопріятствуетъ такому

предположенію. Должно думать, что теперешнее мазоретское чтеніе разбираемаго мѣста существовало еще ввремя перевода александрійскаго, хотя и не было достояніемъ всѣхъ тогдашнихъ еврейскихъ рукописей. Однако позволительно спросить, какое же изъ этихъ чтеній есть чтеніе первоначальное, вышедшее изъ-подъ руки св. писателя? Мы уже сказали, что рѣшительныхъ данныхъ для сужденія объ этомъ нѣтъ; но можно указать основанія для болѣе или менѣе вѣроятнаго предположенія. Основанія эти слѣдующія.

1. Нельзя не замѣтить, что первое недостающее въ греческомъ текстѣ отдѣленіе (XVII, 12—31) нарушаетъ связное и плавное теченіе разсказа о побѣдѣ Давида надъ Голиаѳомъ. Безъ него повѣствованіе имѣетъ болѣе послѣдовательный видъ. Въ частности представляется излишнимъ замѣчаніе 12-го ст. о личности Давида послѣ того, что было сказано о немъ въ предшествующей главѣ. Стихъ этотъ производитъ такое впечатлѣніе, что какъ будто о Давидѣ говорится здѣсь въ первый разъ. Приэтомъ въ выраженіи „и Давидъ былъ сынъ мужа Ефраеянина этого“ (точный переводъ), послѣднее мѣстоимѣніе, неудобное въ 12-мъ ст., такъ какъ въ 17-ой гл. рѣчи объ Иессей не было, показываетъ повидимому, что отдѣленіе это стояло первоначально въ другой связи. Далѣе, неожиданно нѣсколько представляется здѣсь Давидъ снова пастухомъ, пасущимъ овецъ своего отца (15), послѣ того какъ онъ, поправившись Саулу, сдѣлался его оруженосцемъ и сталъ служить при немъ (XVI, 21—22). Гораздо естественнѣе встрѣтить Давида на полѣ битвы вмѣстѣ съ Сауломъ, въ качествѣ его оруженосца, какъ это по тексту греческому. По мазоретскому тексту Давидъ явился на полѣ сраженія случайно. Онъ оставляетъ ношу свою обозному сторожу (22) и идетъ въ ряды войска. Однако же въ ст. 54 сказано, что онъ положилъ оружіе Голиаѳа „въ шатръ своемъ“. Въ ст. 13 и 14 мы встрѣчаемъ повторенія (трое старшихъ пошли на войну съ Сауломъ); приэтомъ повѣствователь отъ братьевъ переходитъ къ Давиду, отъ Давида къ братьямъ, потомъ опять къ Давиду. Изъ Виелеема онъ переносится мыслью на поле битвы (16), потомъ опять въ Виелеемъ (17—18), далѣе снова на поле битвы (19) и снова въ Виелеемъ (20). Все это имѣетъ такой видъ какъ будто повѣствователь этого

отдѣла затруднялся связать его съ послѣдующимъ и предшествующимъ. А между тѣмъ 32 стихъ имѣеть такой характеръ, какъ будто онъ слѣдовалъ первоначально за ст. 11. Давидъ говоритъ здѣсь: „пустъ никто не упадетъ духомъ *изъ за него*“. Послѣднее слово стоитъ повидимому внѣ связи съ послѣдними стихами прибавленія, гдѣ нѣтъ рѣчи о Голіаѣ, и напротивъ имѣеть близкое отношеніе къ ст. 11, гдѣ идетъ рѣчь о Голіаѣ. Всѣ эти неудобства не имѣють мѣста въ переводѣ LXX.

2. Послѣдніе 4 стиха 17-ой гл., опущенные въ переводѣ LXX, представляютъ еще большее затрудненіе. Странно на самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ Сауль могъ спрашивать Авенира о личности Давида, объ его отцѣ (55. 56. 58), послѣ того какъ онъ самъ незадолго передъ тѣмъ послалъ къ Иессею посла сказать ему: „пустъ Давидъ служить при мнѣ“ (XVI, 22). Какъ могъ не знать Сауль своего оруженосца (ср. XVI, 21)? Греческій переводъ не заключаетъ въ себѣ подобныхъ недоумѣній.

3. Ходъ дальнѣйшихъ событій, слѣдующихъ за побѣдой Давида надъ Голіаеомъ, по тексту LXX представляется въ такомъ видѣ. При возвращеніи Давида—побѣдителя израильскія женщины встрѣчаютъ его громкими изъявленіями восторга. Ихъ энтузіазмъ возбуждаетъ зависть Саула, который начинаетъ бояться Давида, видя въ немъ своего соперника. Онъ, хотя и съ честью, отстраняетъ его отъ себя. Давидъ изъ оруженосца Саула дѣлается начальникомъ войска. Но поведеніе новаго начальника снискиваетъ ему любовь народа и симпатію Мелхолы. Боязнь Саула увеличивается. Онъ рѣшается воспользоваться любовью дочери своей, чтобы освободиться отъ Давида. Видимо оказывая высокую честь Давиду, онъ въ душѣ замышляетъ погубить его, поставивъ ему опасное для него условіе. Досихъ поръ Сауль никому не открывалъ, что было у него на душѣ. Но послѣ неудачи, когда Давидъ, исполнивъ условіе Саула, остался цѣль и невидимъ, вражда Саула еще болѣе усиливается, и замыслы его дѣлаются яснѣе и открытѣе. Онъ замышляетъ уже убійство (глава 19-я) и соучастникомъ его хочетъ сдѣлать Ионаана, сына своего, и слугъ своихъ. Но Ионаанъ усовѣщеваетъ отца своего и побуждаетъ его отказаться отъ своихъ замысловъ. Однако новыя побѣды Да-

вида доводятъ Саула до того, что онъ рѣшается собственными руками умертвить Давида. Во время игры Давида онъ бросаетъ въ него копье, но Давидъ остается живъ. — Нельзя не видѣть, что повѣствованіе перевода LXX не только связано и послѣдовательно, но и психологически въ высшей степени естественно. Развитие нравственнаго недуга Саула представлено здѣсь такъ, что каждый фазисъ его является естественнымъ продолженіемъ предыдущаго. Мазоретскій же текстъ оказывается не столь послѣдовательнымъ. Плавное теченіе разсказа въ немъ нарушается отступленіями, представляющими собою по большей части повтореніе того, что сказано въ послѣдующихъ стихахъ или главахъ. Такъ въ началѣ 18-ой гл. изображается любовь Ионаана къ Давиду. Въ сущности здѣсь содержится тоже, что и въ слѣдующей главѣ. Но тамъ любовь Ионаана объясняетъ, почему Ионаанъ предупредилъ покушеніе Саула на жизнь Давида. Здѣсь же изображеніе ея, перенося дѣйствіе во дворецъ Саула, кажется нѣсколько преждевременнымъ, такъ какъ въ 6-мъ ст. говорится только о возвращеніи Давида съ побѣды. Точно также и въ 5-мъ ст. повторенъ разсказъ о томъ, что Сауль сдѣлалъ Давида начальникомъ надъ войскомъ (ср. 13 ст.). И это повтореніе насколько излишне, настолько и неумѣстно. Изъ словъ 13-го ст.: „и удалилъ его Сауль отъ себя, и поставилъ его у себя тысяченачальникомъ“, видно, что назначеніе Давида начальникомъ имѣло цѣлью удаленіе его и вызвано было тѣмъ, о чемъ до 5-го ст. еще не было разсказано, именно завистью и боязнью Саула. Въ отдѣленіи 9—11 ст. разсказывается о покушеніи Саула на жизнь Давида совершенно тоже, что и въ послѣдующей главѣ. Насколько оно естественно въ послѣднемъ случаѣ, мы видѣли. Поставленное же здѣсь, оно дѣлаетъ неяснымъ послѣдовательное развитие зависти и ненависти Саула и затрудняетъ объясненіе нѣкоторыхъ фактовъ. Неужели одни восклицанія израильскихъ женщинъ подѣйствовали на Саула столь сильно, что онъ, не узнавъ еще настроенія всего народа, которое обнаружилось послѣ, рѣшился убить Давида? Какъ Давидъ могъ отнестись съ тою довѣрчивостью къ Саулу, какую обнаружилъ онъ по дальнѣйшему разсказу, если бы Сауль на другой день послѣ побѣды Давида бросилъ въ него

копье? Подобное же покушеніе Саула вызвало впоследствии бѣгство Давида (XIX, 10). Отдѣленіе 17—19 заключаетъ разсказъ о предложеніи Саула руки старшей его дочери Меровы Давиду, чего нѣтъ у LXX. Фактъ этотъ конечно не заключаетъ въ себѣ ничего невозможнаго. Неясно только, какъ Давидъ довѣрчиво отнесся къ вторичному предложенію послѣ того, какъ Сауль такъ зло посмѣялся надъ нимъ. Прибавленіе въ 21-мъ ст. („и сказалъ Сауль Давиду: чрезъ другую ты породнишься со мною“) не слишкомъ соотвѣтствуетъ дальнѣйшимъ словамъ 22-го ст. „и приказалъ Сауль слугамъ своимъ: скажите Давиду тайно“. Наконецъ заключеніе 18 главы, говорящее о благоразуміи Давида, есть повтореніе въ третій уже разъ того, что сказано было въ 16 гл. (18 ст.). Во второй разъ повторено это въ опущенномъ у LXX 5 стихѣ 18 гл.

Изъ представленнаго анализа видно, что по переводу LXX историческій разсказъ менѣе сложенъ, болѣе послѣдователенъ и простъ, чѣмъ по тексту мазоретскому. Правда, послѣдній не содержитъ въ себѣ противорѣчій и ничего такого, что никакъ не могло быть написано однимъ писателемъ. Св. Писатели не заботились о красотѣ изложенія, о связности и послѣдовательности разсказа, ибо они считали это не имѣющимъ значенія для ихъ главной цѣли. Поэтому, если бы священный текстъ дошелъ до насъ въ одномъ видѣ, мы ни на минуту не усумнились бы въ принадлежности вышеизложеннаго разсказа, какъ онъ передается въ текстѣ мазоретскомъ, одному лицу. Но до насъ дошли два текста этого разсказа; и оба они древніе. Слѣдовательно позволительно избрать одинъ изъ нихъ, какъ наиболѣе древній. Было бы поистиннѣ несправедливостью къ древнѣйшему переводу библіи, еслибы мы, не вникая въ сущность дѣла, объявили переводъ LXX въ данномъ мѣстѣ несправнымъ. Справедливость и то высокое уваженіе, какимъ издревле пользовался греческій переводъ въ христіанскомъ мірѣ, требуютъ безпристрастно сравнить и по достоинству оцѣнить оба чтенія: чтеніе мазоретское и греческое. Сравненіе это, конечно сильное, мы и представили. Болѣе или менѣе вѣроятный результатъ его оказался въ пользу переводу LXX. Мы предполагаемъ поэтому, что чтеніе LXX есть чтеніе древнѣйшее и первоначальное. Добавленія же

текста мазоретскаго явились нѣсколько позднѣе и сдѣланы конечно на основаніи или живаго іудейскаго преданія, или какогото письменнаго источника, почему и достойны полнаго уваженія.

Все, что мы сказали до сихъ поръ, нисколько не имѣло цѣлью доказать преимущество греческаго перевода предъ мазоретскимъ текстомъ вообще. Такая мысль лишена была бы всякаго научнаго достоинства. Внимательно прочитывая греческій текстъ и сравнивая его съ еврейскимъ, всякій можетъ замѣтить весьма много такихъ различій между ними, вина которыхъ съ несомнѣнностью падаетъ на греческихъ переводчиковъ, причемъ число такихъ отступленій отъ первоначальнаго чтенія въ греческомъ во много разъ превосходитъ число поврежденій въ текстѣ мазоретскомъ. Сказанное нами выше имѣло цѣлью лишь показать, что нельзя безусловно и во всемъ отдавать предпочтеніе тексту мазоретскому, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ греческій переводъ сохранилъ лучшее сравнительно съ подлинникомъ чтеніе, чтеніе вѣрное и первоначальное, вслѣдствіе чего переводъ LXX имѣетъ не только авторитетъ изначала въ христіанской церкви употребляемаго перевода, но и авторитетъ наилучшаго критическаго средства при исправленіи текста мазоретскаго. Употребленіе его не церковное только, но и научное.

В. Мышцынъ.
